

Около десяти лет колесил по стране в поисках рукописей и редких книг матерый спекулянт, ханжа и пройдоха Михаил Стефанович Севастьянов. Начисто лишенный совести, этот аморальный тип старообрядцам объявлял себя старообрядцем, сторонникам никонианской церкви — убежденным никонианцем, в советские учреждения входил «представителем» авторитетнейших государственных научных учреждений. Таким обманным способом этот проходимец, или, как его метко определили в газете «Советская Россия», «палеограф с отмычкой»,³ «обследовал» Причудье, многие старообрядческие селения на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Прибалтике, в Московской и Ленинградской областях.

Приобретенные за бесценок, а нередко просто полученные бесплатно рукописи и старопечатные книги XVI—XIX вв. Севастьянов продавал по баснословным ценам церковникам и богатым московским коллекционерам. Деляга мечтал об организации «экспедиции» в Сибирь и, чтобы более разбираться в рукописях, лучше знать им цену, поступил на заочное отделение исторического факультета Московского государственного университета.

Севастьянов своей «археографической деятельностью» нанес большой ущерб государственным архивохранилищам, в особенности делу собирания рукописей у населения. Он насторожил, подорвал доверие многих владельцев рукописной и печатной старины к действительным собирателям и научным учреждениям, командировавшим их. Даже представители общественности и государственных учреждений в некоторых местах стали теперь как-то недоверчиво смотреть на нашу собирательскую работу. Кроме того, десятки ценнейших рукописей и книг старинной печати, находившихся в личном владении и известных ранее археографам, после поездок Севастьянова утратили свои следы.

Сейчас, когда «собирательская работа» Севастьянова прекращена судебными органами и он получил по заслугам, выяснилось, почему она так долго и безнаказанно продолжалась. Нельзя не выразить крайнего удивления той чрезмерной доверчивостью и близорукостью, которые проявили в отношении Севастьянова руководители отделов рукописей и редких книг библиотеки Московского университета и Центрального литературного музея. Они не только не сумели вовремя разглядеть в нем совершенно чуждого науке человека, но даже снабдили его полномочиями на право сбора для них рукописного материала и старопечатных книг.⁴

Несколько лет назад Севастьянов дважды предлагал свои услуги в сборе рукописей Сектору древнерусской литературы и просил выдать ему удостоверение. Обещал все найденное сдавать в институт. Однако в секторе сразу же поняли, с кем имеют дело, ему решительно было отказано. Больше того, сотрудники сектора тогда же выступили против Севастьянова и ему подобных «собирателей» в печати и на совещании по вопросам охраны и сбора древнерусских рукописей.⁵

2

За последнее десятилетие собирание старинных рукописей и книг на местах значительно улучшилось, приняло более широкий размах. Получили признание среди археографов и все чаще стали применяться экспедиции за

³ Палеограф с отмычкой (из зала суда). — Газета «Советская Россия», № 83, 8 апреля 1962 г., 4 стр.

⁴ Там же.

⁵ См.: Д. С. Лихачев Памятники культуры — всенародное достояние. — История СССР, 1961, № 3, стр. 7. См. также: В. Н. Автукратов. О сохранности и обработке рукописных источников (К итогам IV Всесоюзного совещания по древнерусской литературе) — Вопросы архивоведения, 1959, № 4, стр. 61